

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРАВОМ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬЮ

Фельдман Д. М.

Автор рассматривает несоответствие действующих норм и принципов международного права требованиям целесообразности и эффективности поведения участников международного конфликта. Выявляется взаимосвязь стабильности отдельных международных систем и общепланетарной государственно-центричной мировой системы с конфликтами между акторами и сценариями их взаимодействия в международных конфликтах.

Ключевые слова: конфликт, целесообразность, право, сценарий, система международных отношений, правило, победа, участие, актор, государство

Keywords: conflict, expediency, law, scenario, system of international relations, rule, victory, participation, actor, state

Отмеченная внимательным читателем двусмысленность заголовка довольно точно отражает суть проблемы, содержание которой не исчерпывается констатацией того, что международные конфликты были и остаются атрибутом мировой политики, эффективным инструментом решения многообразных внутри- и внешнеполитических проблем. Политическая практика взаимодействия на мировой арене в первое десятилетие XXI века убеждает в ошибочности представлений об исчезновении конфликта как явления имманентного международным отношениям или хотя бы об уменьшении их интенсивности и значимости. Они не только существуют, но и по-прежнему являются той «фокальной точкой» (от лат. focus – очаг) мировой политической системы, в которой сходятся и ярко обнаруживаются характерные для нее тенденции и противоречия.

Кроме того, в современных международных конфликтах, в утверждающихся формах их разрешения (урегулирования) находит свое отражение еще один существенный компонент обозначенной в заголовке проблемы. Сегодня уже вполне отчетливо проявилось несоответствие общепризнанных норм и принципов международного

права, являющихся «правилами участия» во взаимодействии (включающем как противоборство, так и сотрудничество) на мировой арене, действующим в международном конфликте «правилам победы». В качестве этих правил выступают требования соответствия конфликтного поведения критериям его целесообразности и эффективности, задачам успешного достижения поставленных целей.

Масштаб и политическое значение столкновения между двумя этими типами императивов дают весомые основания рассматривать его как глобальный международно-политический конфликт, игнорируя при этом парадигмальную разногласию и прочий «когнитивный» камуфляж. Важно подчеркнуть, что само по себе столкновение правил и императивов разного типа не означает перерастания международно-политического конфликта в неконвенциональную войну, поскольку далеко не неизбежно ведет к его эскалации до стадии вооруженного противоборства. Констатация столкновения между правилами победы в международном конфликте, определяемыми политической целесообразностью, с одной стороны, и правилами (нормами) участия в современной системе международных отношений, –

с другой, может показаться вполне тривиальной. Однако, несмотря на это, она фиксирует глубокое внутреннее различие природы этих правил.

Международно-правовые нормы участия в данной системе международных отношений признаются акторами мировой политики как относящиеся к данному пространственно-временному континууму. Они отличаются от норм и правил, действовавших когда-либо в других системах международных отношений, не говоря уже о правилах, присущих различным сферам общественных отношений внутри национально-государственных границ. Но все эти нормы и правила формулируются, устанавливаются и признаются не только как отражение реального взаимодействия, но и как представление о том, каким оно должно быть. Применительно к нормам современного международного права – какой должна быть определяемая ими система взаимодействия государств на мировой арене. Среди прочего, это проявляется в наличии и общем признании, если и не взаимоисключающих, то имманентно противоречащих друг другу (но не интересам каждого из государств-участников международных отношений) норм и принципов международного права. В качестве примера чаще всего указывают на принципы суверенитета, невмешательства во внутренние дела, нерушимости границ и территориальной целостности, с одной стороны, и равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, уважения прав человека и основных свобод – с другой.

Хотя подобные правила признаются государствами-акторами современной системы международных отношений как идеальная модель их взаимодействия, однако следуют им избирательно, в зависимости от меняющегося содержания конкретных интересов каждого из этих акторов, изменений внутривнутриполитической ситуации, обстановки на мировой арене и т.д. Важно иметь в виду, что признание каким-либо государством «правил участия», действующих в данной международной системе, фиксируя его принадлежность к ней, отнюдь не предопределяет его успех в конфликтах с другими акторами той же системы.

Сценарии достижения успеха в их противоборстве предполагают или, по крайней мере, допускают отход от этих правил, а чаще – нарушение хотя бы некоторых из них. Термин «сценарий» в данном контексте обозначает сознательно выбранную или построенную схему поведения в ситуации международного конфликта, определяющую средства и действия, последовательность и порядок их применения в зависимости от избранной стратегии и достигнутых промежуточных

результатов. Сценарии достижения успеха в международных конфликтах не сводятся к выработке и реализации той или иной стратегии, но каждый из таких сценариев предполагает осознанную, целесообразную деятельность, основывающуюся на том, что выше названо «правилами победы».

Не стремясь дать исчерпывающе полный перечень этих правил, можно в виде иллюстраций указать на издавна известную целесообразность поддержки врагов своего противника или на нестареющее правило, согласно которому рост авторитета власти, укрепление политической стабильности общества требует хотя бы «маленькой победы» над (пусть даже придуманным) внешним врагом. Многократно опровергнуто морализаторами, но неизменно реализуется в политической практике правило, по которому «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание»¹.

Этот перечень легче продолжить, чем завершить, но трудно удержаться и не напомнить о еще одном, если можно так сказать, военно-прикладном, а точнее – практическом использовании «правил победы». Речь идет о правиле, которое А. В. Суворов сформулировал с «простотой солдатского сердца» и выразил в известном афоризме: «удивить – победить». М. А. Хрусталив указал на связь этого правила с решением задачи изменения неблагоприятного соотношения сил, военным искусством и личностью полководца². Представляется, что как политическая теория, так и практика международного конфликта не исключают ни более широкого значения этого правила, ни его использования штатскими лицами в гражданских практиках.

Действительно, сценарии абсолютного большинства успешно (для победителя) завершившихся конфликтов исходят из целесообразности более или менее неожиданного и грубого нарушения «правил участия», состоящего в отказе от следования общепризнанным нормам, принятым процедурам и приверженности утвердившимся принципам взаимодействия на мировой арене. «Правила участия» почти столь же изменчивы и подвижны, как формы их закрепления³. Однако само их существование, позволяя декларировать свою верность этим нормам и принципам, помогает действовать согласно «правилам победы».

Не составляя в своей совокупности аналог суворовской «Науки побеждать», «правила победы» весьма многообразны, а их успешное воплощение на практике опосредовано множеством различных обстоятельств. Практика их применения

в ходе международных конфликтов свидетельствует, что они столь же далеки от неизменно верных рецептов достижения победы, как его знаменитое «пуля – дура, штык – молодец» от издавна принятого государствами правила наносить удары по досадившим им антагонистам, расположившимся на территории других суверенных государств без согласия этих государств.

Хотя «правила победы» не гарантируют достижения конечного и полного успеха, но они эффективны как правила достижения в ходе конфликта пусть временного, но благоприятного результата. Именно поэтому ими неизменно руководствуются в самых многообразных конфликтных ситуациях. Среди них – нападения британского военного флота на суда и порты других государств в XIX веке, предпринятые после введения Великобританией одностороннего и далеко не сразу принятого международным сообществом запрета на трансграничную торговлю невольниками⁴, агрессия нацистской Германии против Советского Союза и действия Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г. Сценарии достижения победы в ходе конфликтного противоборства, успеха или хотя бы приемлемого результата в урегулировании конфликта, зачастую предполагают если не вероломство, то совершение действий, которых противник не ожидает, полагаясь на заключенные договора и обоюдную приверженность сторон соблюдению взаимно признанных норм и правил.

Искушению победой, которую обещает целесообразность подобных действий, поддаются не только «вероломные», «беспринципные» и «агрессивные» участники конфликта. Ведь международный конфликт коварен по самой сущности противоборства. Часто он стремится стать непохожим на другие конфликты для того, чтобы «уйти» от предписаний и норм, закрепляемых как теорией⁵, так и утвердившимися в данном пространственно-временном континууме нормами и принципами участия в трансграничном взаимодействии. В этом своем качестве он похож на игру, участники которой знают, что противник в ответ на их действия постарается ответить наилучшим образом, и стремятся заранее найти, заготовить неожиданные, непредсказуемые ходы и комбинации, часто ставящие в тупик не только соперника, но и тех, кто следит за игрой и анализирует ее.

Если продолжить наше широкое распространение (хотя и не вполне точное) сравнение международного противоборства со спортом, принадлежащее Р. Арону⁶, то для претендента на звание чемпиона, действующего согласно правилам победы, крайне затруднена (если вообще существует) возможность получения приза «fair

play». Вместе с тем, международные конфликты – это совсем не та вольная борьба, которую имел в виду Р. Арон. Пожалуй, ближе к реальной действительности противоборства на мировой арене был его современник Т. Шеллинг. Примерно в те же годы он, отмечая, что гангстерская война имеет много общего с войной между государствами, писал: «И там, и там, в конечном счете, все решает насилие. Интерес и тех, и других состоит в том, чтобы избегать применения силы, но угроза применения силы наготове и у тех, и у других. Любопытно, что рэкетеры, как и преступные банды, участвуют в ограниченной войне, в разоружении и в отводе сил, внезапно атакуют, используют возмездие и угрозу возмездия; они беспокоятся об «умиротворении» и потере лица; они заключают союзы и соглашения и точно так же, как страны, не могут апеллировать к высшей власти, чтобы заставить исполнить договор»⁷.

Обращение к суждениям мэтров мировой общественной науки вызвано не столько стремлением показать, что рассматриваемая проблема не нова (она, как известно, существует тысячелетия), сколько ее очередным обострением. Выступая 15 июля 2008 г. на Совещании послов и постоянных представителей России при международных организациях и давая оценку соблюдению важнейших принципов межгосударственных отношений, Президент России Д. А. Медведев говорил: «Современный переломный этап мирового развития требует содержательных, если хотите, философских подходов. Нам необходимо и к истории обращаться регулярно, иначе по понятным причинам, будем ее повторять, причем в самых негативных сценариях»⁸. Сегодня, в обстановке все более уверенно ощущаемого кануна глубоких перемен, ясно: скрупулезное соблюдение «правил участия» (при всех их внутренних противоречиях и «нестыковках»), способствует поддержанию стабильности международной системы. Во всех иных случаях само их существование, позволяя заявить о своей верности принятым нормам и призывать к этому других, увеличивает если не вероятность, то эффективность реализации сценариев окончания и урегулирования международного конфликта, построенных на «правилах победы». Успешное воплощение этих сценариев в практике развития и урегулирования международных конфликтов, ставит под вопрос универсальность и действенность международно-правовых принципов и норм.

Откровенное признание этого обстоятельства нашло свое место, как в научной и учебной литературе, так и на политическом уровне. Президент России Д. А. Медведев в данной связи отмечал: «Если эти принципы сохраняют свое универсальное

значение, то надо честно ответить, почему они перестают также универсально применяться, посмотреть, насколько они адекватны новым условиям жизни, или же думать о чем-то принципиально новом»⁹.

Международные отношения без правил, зафиксированных международным правом, – такой же фантом, как международные отношения без политики, без экономики или без идеологии. Именно поэтому, выступая в МГИМО (У) МИД России, уже после событий не только в Косово, но и на Южном Кавказе, министр иностранных дел С. В. Лавров подчеркивал: «Мы никогда не согласимся с правовым нигилизмом в мировых делах, с отношением к международному праву как к «дышлу» и «уделу слабых», с любыми попытками «срезать углы» в ущерб международной законности, являющейся воплощением нравственного начала в отношениях между государствами. Действительно, международное право – наша идеология в международных делах»¹⁰. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о вошедшей в учебники констатации того факта, что «правила поведения таких неправительственных акторов, как, например, транснациональные корпорации или террористические организации между собой и с государством отличаются от норм межгосударственных отношений»¹¹. Более остро и интересно другое утверждение, высказанное В. М. Кулагиным. По его мнению, для науки о международном праве «резонно рассмотрение правил поведения его субъектов не только под легалистским углом зрения, очень важным и плодотворным, но и в более широком синтезированном контексте связей права и мировых политических процессов»¹².

Правовая основа международных отношений постоянно меняется. Можно спорить об исходном историческом пункте формирования современной правовой основы архитектуры системы международных отношений, усматривая его то ли в окончании эпохи решающего влияния западных обществ на западную цивилизацию, связанного с неудачей второй оттоманской осады Вены в 1683 г.¹³, то ли в заключении Вестфальских соглашений 1648 года, то ли в каких-то более близких нам во времени событиях и документах¹⁴. Однако спорящие согласны в том, что более трех последних столетий постоянно растущая часть человечества строила и развивала международные связи в рамках государственно-центричной мировой системы.

Сегодня благодаря формированию общемирового рынка, мировым войнам и всему тому, что охватывается понятием «глобализация» эта система

стала не просто мировой, а всемирной. В ходе чередования на протяжении нескольких веков господства отдельных экономически автономных регионов¹⁵, было покончено с полицентричным миром, в котором существовало несколько культурно, хозяйственно и политически изолированных ойкумен. Формирование всемирной (общепланетарной) политической системы сопровождалось неоднократной сменой «правил участия» входивших в нее государств, сохраняя за ними роль доминирующих акторов – основных элементов данной системы. Именно изменение этих правил, происходившее внутри нее в результате крупномасштабных международных конфликтов, зафиксировало переход от «Венского концерта» к «Версальско-Вашингтонской», а затем и к «Ялтинско-Потсдамской» системе международных отношений. И хотя «правила участия» менялись, сценарий, основанный на «правилах победы» в своих существенных чертах воспроизводится. Он неизменно включает в себя сначала нарушение, а затем конвенционально принятый международным сообществом отказ (иногда в форме модификации) от «правил участия», действовавших в каждой из предшествующих систем. Утверждение новых и, как показывает исторический опыт, всегда временных норм международного права, фиксирующих новые «правила участия» в сменяющих друг друга системах международных отношений, неизменно происходит при определяющей роли тех, кто победил в создавшем новую международную систему конфликте.

«Правила победы» более долговечны, чем «правила участия», и отличаясь от них по своей природе, неизменно присущи конфликтам как в рамках государственно-центричной (Вестфальской) мировой системы, так и вообще в международной сфере общественных отношений. При всей своей многоликости, они постоянно воспроизводятся в различных исторических условиях, действуя со столь мощной принудительной силой, что позволяют предположить наличие в их основе объективной естественноисторической сущности. Если это так, то ее нельзя отменить или запретить, но, быть может, удастся «зарегулировать».

Стремясь следовать широко известному, хотя и мало популярному, завету В. Оккама: «не умножать сущностей без необходимости», необходимо выявить практическое значение сделанного вывода. Это значение, в частности, состоит в том, что он позволяет ответить на актуальный в научно-экспертном сообществе специалистов-международников вопрос: «по каким правилам и в какой мировой (международной) системе будут происходить, урегулироваться и оканчиваться международные конфликты ближайшего будущего?»

Конфликты в Косово и в Южной Осетии еще раз показали реальную эффективность международно-правовых норм установившихся в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений и закрепленных в Уставе ООН. Отвергая претензии США на то, чтобы управлять миром, Президент России Д. А. Медведев (впрочем, так же, как и Дж. Буш-младший) ни разу не сказал, что конфликт на Южном Кавказе отрицает принципы территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела или отменяет правило, согласно которому решение о применении силы может принять только Совет Безопасности ООН. Вместе с тем, вслед за многими другими политическими деятелями Израиля, Турции, США и РФ, он заявил, что Россия имеет право применять силу по отношению к тем государствам, к которым она считает это необходимым. Список причин, определяющих эту необходимость известен (борьба с терроризмом, защита своих граждан, гуманитарная катастрофа, принуждение к миру), но не закрыт.

Конечно, нельзя исключить попытки внесения соответствующих изменений в трактовку международно-правовых норм, закрепленных в документах ООН. Так, на фоне критики ее СБ и утверждений, что международное право «угасает» была принята резолюция № 1846 об усилении борьбы с пиратством. В совокупности с другими документами, в частности конвенцией по морскому праву, она помогает решить ставшую остро актуальной, но далеко не новую задачу определения юрисдикции и полномочий военноморских сил различных государств, участвующих в этой борьбе. Вместе с тем, как отмечает один из ведущих специалистов по международному праву Б. Тузмухамедов, решения ООН регламентируют применение норм только в данном конкретном случае. Речь не идет о создании общего прецедента. «Это конкретная ситуация, требующая конкретных и пока уникальных решений»¹⁶.

Как бы высоко ни оценивать роль ООН в упрочении правовых основ взаимодействия государств, международные конфликты сегодняшнего дня убеждают: правила, организации и институты, просуществовавшие последние десятилетия нуждаются в коренном совершенствовании. Ясно и то, что оно не может быть результатом навязанных силой «поствестфальских» соглашений, призванных упразднить или заменить существующие сегодня правила и нормы участия в государственно-центричной мировой политической системе. Это еще раз подтвердила очередная тщетная попытка заменить их правилами и нормами, продиктованными одной державой. Ее

конечная неизбежная неудача ясна всем, кроме весьма узко мыслящих и/или наиболее искренних патриотов Америки. Ведь и в международной сфере «право является наивысшей точкой активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия. Не будет преувеличением сказать, что оно создает социальный мир, но при этом не следует забывать, что само оно является его порождением»¹⁷.

Переход к нормам и принципам, устанавливающим правила взаимодействия всех акторов мировой политики, не может быть уподоблен, например, переходу на новые конвенционально принятые международным сообществом единицы и эталоны измерения. Вместе с тем, не получает широкого распространения имеющаяся в отдельных странах практика передачи государственных функций и правовых полномочий негосударственным акторам¹⁸.

Не очень многочисленные, но вызывающие международный резонанс, примеры вторжения национального судопроизводства в международные конфликты также заставляют усомниться в широкой востребованности такого рода правовых действий. Среди них – решение Городищинского районного суда Пензенской области о признании духовного завещания аятоллы Хомейни документом экстремистского содержания, а также признание хозяйственным судом г. Киева 8 января 2009 г. недействительным соглашения, заключенного в 2007 г. «Нафтогазом» Украины и «Газпромом» по ставке за транзит газа.

Хотя не только многие юристы, но и политологи считают легитимность подобных решений весьма сомнительной, все же содержание подобных документов имеет территориальную общеобязательность. История права знает немало случаев, когда, казалось бы, конкретные правовые решения, локальные акты и/или прецеденты, имеющие отношения к конкретным людям и отдельным ситуациям (например, запрос рядового англичанина Стюарта о необходимости проведения референдума по поводу присоединения Великобритании к Лиссабонскому меморандуму, решения Страсбургского суда по правам человека, решения-фетвы мусульманских правоведов¹⁹) приобретают гораздо большее значение, чем традиционные для международного права источники нормообразования. «Благодаря своей практике, напрямую связанной с разрешением конфликтов и постоянно обновляемым юридическим заказом, судьи несут функцию адаптации к реальности в системе, которая в противном случае рисковала бы закоснеть в рациональном ригоризме профессоров. Обладая большей или меньшей свободой

в трактовке законов, они вводят необходимые для выживания системы изменения и инновации, которые затем принимаются теоретиками»²⁰.

Конечно, в сфере международно-политических отношений взаимодействие права и социально-политической реальности, также испытывая неумещающее влияние конфликтов и практики их урегулирования, не укладывается в схему, нарисованную П. Бурдые. Но это не мешает констатировать, что в рамках мировой государственно-центричной Вестфальской системы идет процесс формирования новой, иной, чем Ятинско-Потсдамская, международной системы, развивающейся в условиях растущего числа государственных и негосударственных акторов, противоборства и столкновения их интересов, отказа от старых и отсутствия новых правил ведения и урегулирования международных конфликтов.

Так называемый «многополярный мир», стремление к которому характерно для вербальной активности ученых, политиков и дипломатов многих стран, по сути, означает не более чем попытку институционализации хаоса, идущего на смену «плюралистической однополярности», агония которой не менее опасна, чем стремление к установлению «*Rex Americana*». Даже элементарное знакомство с основными положениями, определяющими современную естественнонаучную картину мира, приводит к убеждению в том, что многополярный мир противоестественен. В свою очередь, история, без обращения к которой мы не только обречены на ее повторение, но и на непонимание будущего, свидетельствует, что многополярный мир если и возможен, то непрочен, а правила участия в нем задаются, определяются и действуют в зависимости от силы акторов. На практике это ведет к регулярным «пробам сил» в форме международных конфликтов. В результате подобный «мир» не только строится на насилии, но и гибнет вследствие торжества «правил победы» над «правилами участия». Примеры этого, в частности, легко обнаружить при анализе международных конфликтов 1930-х годов. Попытка внедрить нормы, принципы и правила международного взаимодействия, выработанные при оформлении Версальско-Вашингтонской системы, завершилась самой разрушительной в истории человечества мировой войной, подытоживающей краткий период многополярности²¹.

Принципиально иной вариант изменения «правил участия» предусматривает позиция тех отечественных и зарубежных ученых, которые задумываются о правилах и нормах, которые, по их мнению, должны существовать в новой, более широкой

(и как хотелось бы надеяться – более стабильной, чем Вестфальская – Д. Ф.) мировой системе. Отличия в деталях не колеблют вывода, согласно которому «потенциал старой системы исчерпан»²².

У части отечественных исследователей вывод об обветшалости Вестфали также не вызывает сомнений. Исходя из этого, М. М. Лебедева ставит вопрос: можем ли мы ограничиться «ремонт» Вестфальской системы и ее совершенствованием или она «отжила» свой век и надо создавать новую всемирную политическую систему?²³ Последовательным приверженцам «либерального проекта» ответ на этот вопрос давно известен. Конечно, реальный ход истории не может не оказывать влияния на их взгляды, но уже после И. Канта этот ответ, по сути, остается практически неизменным. Недавно его еще раз четко сформулировал В. М. Кулагин: не только логика современного взаимодействия большинства акторов, как государственных, так и негосударственных, но и рельефная материализация либерального проекта, в частности, на поле Европейского союза делает «закат Вестфальской системы» по существу неминуемым. Мы являемся свидетелями несколько затянувшегося «конца истории» этой системы»²⁴.

Рассуждая в масштабах реальных политических процессов, трудно поверить в стабильность и эффективность новых, общепризнанных правил участия, предназначенных для всех акторов действующих в, казалось бы, вот-вот формирующейся поствестфальской мировой политической системе. Ведь в ее составе, как минимум, будут: 1) более 200 признанных государств, 2) три-четыре десятка непризнанных государств, 3) по крайней мере, несколько сотен ТНК, часть из которых по своей экономической, финансовой, политической и даже военной мощи будет превосходить многие, как признанные, так и непризнанные государства, 4) несколько тысяч НПО, включая имеющие взаимоисключающие религиозные, этнополитические интересы, затрагивающие решение экологических, климатологических, сырьевых и прочих более мелких, но не менее острых проблем, неизбежно отражающихся на сфере мировой политики, 5) десятки, если не сотни тысяч организаций, фирм и разного рода объединений (включая криминальные), получивших прямой (т.е. без государственного «фильтра») выход на мировую арену. Шестой, седьмой и многие последующие типы негосударственных акторов этой системы легко назовет любой, принявший эту логику формирования «поствестфали».

Важно при этом подчеркнуть, что речь идет не просто о негосударственных акторах мировой политики – они были, есть и будут всегда, а о новых правилах участия в мировой политике,

действительных для всех них. Разумеется, только при условии, что сама «поствестфальская система» отношений на мировой арене, сложившаяся в рамках глобального социума, сохранит свою обособленность и отличия от внутриобщественных отношений и внутренней политики. В варианте смены не только правил, но и мировых политических систем нас ждет если не торжество хаоса, то неизбежный рост полиархии. Правда, происходить все это будет уже в системе поствестфальских всемирных отношений.

«Ремонт» Вестфальской системы также не может не сопровождаться растущей хаотизацией международных отношений, проявления которой отчетливо фиксируются уже сегодня, в частности, в форме столкновения императивных требований права и целесообразности. Но сможет ли он предотвратить крах Вестфальской государственно-центричной мировой системы, через рутинную, обычную и в каком-то смысле привычную смену одной системы международных отношений другой, очередной? Еще один возможный ответ – «да». Ведь сохранение того, что можно было бы назвать «Вестфальским гомеостазом», как раз и состоит в поддержании динамичного постоянства взаимодействия государств как основных элементов этой системы. До сих пор этот гомеостаз исправно обеспечивал функционирование мировой политической системы в условиях смены (иногда весьма резкой) как внутренних, так и внешних условий ее существования.

Однако и в этом в этом варианте нарастание хаотичности будет обнаруживаться в растущей полиархии (при желании ее можно назвать многополярностью) международных отношений. Но это не всемирный, почти первозданный хаос, вызванный крахом Вестфальской мировой системы, а относительно более легкий и «в принципе» быстрее устранимый беспорядок, вызванный очередным изменением «правил участия», взаимодействия всех тех же акторов. Сдвиги в их влиянии и удельном весе на мировой арене найдут свое отражение в очередной, следующей за современной мировой системе, но не разрушающей, а сохраняющей «Вестфальский» гомеостаз.

Итак, «биполярный» мир завершился крахом, «монополярный», если и возможен, то так и не может утвердиться, а «многополярный» чреват войной всех против всех. Поствестфальская, не государственно-центричная система остается мечтой, одним из проектов на будущее, осуществление которого неизбежно встретит активное сопротивление предназначенного для воплощения этого проекта материала. Реальность при всех вариантах чревата приближающейся хаотизацией.

Акторы мировой политики разыгрывают известные на протяжении тысячелетий сценарии по правилам, относительно которых у них нет согласия.

Но хаос (и это известно не только из древнегреческой мифологии, но и доказано наукой²⁵) – не только беспорядок, но и состояние, обладающее созидательным потенциалом, способностью генерировать новые формы и организационные возможности. В этом своем значении он является столь же необходимой основой человеческой деятельности, говоря шире – социальности, как и порядок. Для раскрытия этого тезиса (доказательство истинности которого никак не укладывается ни в объем, ни в основное содержание этой статьи) в данном случае достаточно привести суждения Г. А. Сатарова, ставшие, по его словам, плодом совместных размышлений с А. М. Салминым: «Хаос (случайность, непредсказуемость, неопределенность и т.п.) не досадное недоразумение, вредная аномалия или синоним нашей ограниченной осведомленности. ...Хаос – столь же естественная и необходимая часть природы (физической, биологической, социальной), как его более удачливый и популярный антипод – порядок»²⁶.

Подводя итог размышлениям об обозначенной в заголовке проблеме, можно предположить, что одним из важнейших показателей устойчивости любой мировой системы как среды, включающей в себя и правовой, и политический контекст международных конфликтов, может быть мера соотношения изменчивых «правил участия» и относительно неизменных «правил победы». Сегодня баланс смещен в пользу прагматичной целесообразности. Будущее той системы, которая идет на смену нынешней, будет зависеть от того, насколько полно в ней будет реализовано правило, противоречащее самому смыслу спортивных соревнований (но не международных отношений!): «главное – не победа, а участие». Современная действительность, реальный ход и конкретный опыт урегулирования международных конфликтов не оставляют больших сомнений в том, какие изменения в мировой политике приближает каждый очередной конфликт между правом и целесообразностью.

Dmitry M. Fel'dman. International Conflict between Law and Expediency

The author examines the inconsistency between regulations currently in force and international law principles on the one hand and requirements of expediency and effectiveness of behavior of participants of international conflicts – on the other. The author reveals interconnections between the stability of individual international systems' and global state-centric world system and conflicts and scenarios of interactions among actors of international conflicts.

1. Николо Макиавелли. Государь. М., 1990. С. 52.
2. См. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008. С. 119.
3. Оно может происходить как в «нерушимых договорах», так и в совместном питье из чаши с вином, разбавленным кровью высоких договаривающихся сторон, обмене заложниками, браках представителей царствующих домов, совместных жертвоприношениях и молитвах, клятвах верности богам, догматам «единственно-правильного учения» и т. д. и т. п. и т. д.
4. Подробнее об этом нарушении международного права, в немалой степени способствовавшему его гуманизации см. Goldsmith J., Posner E. *The Limits of International Law*. N. Y., Oxford, 2005. P. 117. и В. Иноземцев. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность // МЭМО. 2008. № 3. С. 8.
5. Пытаясь формализовать «теорию конфликта» схожие и до сих пор не нашедшие должной оценки суждения высказывал В. А. Лефевр (См. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М., 1973).
6. Это сопоставление, несколько «затертое» за прошедшие полвека, было сделано в книге: Raymond Aron. «Paix et Guerre entre les nations», вышедшей в свет в 1962 г. и сразу ставшей широко известной. В переводе на русский язык она была издана в 2000 г. (См. Раймон Арон. «Мир и война между народами». М., 2000. С. 58—60).
7. Работа Schelling T. C. «The Strategy of Conflict», вышедшая в свет в 1960 г. была переведена на русский язык в 2007 г. (См. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. С. 25).
8. Цит. по: «Международная жизнь». 2008. № 8—9. С. 69.
9. Там же. С. 70.
10. Цит. по Н. Г. Дипкурьер. 2008 г. 16 сент.
11. Кулагин В. М. Политико-правовое измерение международных отношений и мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 166.
12. Там же.
13. Эта точка зрения, в частности, высказывалась и обосновывалась А. Тойнби. См.: Toynbee A. J. *Civilization on Trial and the World and the West*. Cleveland—N. Y., 1963. P. 233.
14. В развитом виде эти позиции были неоднократно представлены и в зарубежной (см., например, Krasner St. D. *Sovereignty: organized Hypocrisy*. Princeton University Press. 1999. Etzioni A. *From Empire to Community. A New Approach to International Relations*. Houndmills. N. Y., 2004), и в отечественной литературе (Космополис, Альманах 1999; Материалы 4-го Конвента РАМИ «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» // Под ред. А. Ю. Мельвиля в 10-ти томах // 1-й том. Актеры в пространстве и времени мировой политики // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО—РАМИ, 2007; «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008; Барабанов О. Н., Фельдман Д. М. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв» // Международные процессы. 2007. Т. 5 № 3(15), сентябрь—декабрь; Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО-университета. 2008. № 1; Суверенитет, трансформация понятий и практик. Под ред. М. В. Ильина и И. В. Кудряшовой. М., 2008.
15. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 3-х т. Т. 3. М., 1991.
16. См. «Независимая газета». 18 декабря 2008 г.
17. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практика. М., СПб, 2007. С. 104.
18. См., например, Wilson I. D. *Continuity and Change: The Changing Contours of Organized Violence in Post-New Order Indonesia* // Critical Asian Studies. V. 38. June 2006. № 2. P. 265—297.
19. См. Сигалов К. Е. Синергетическая организация права // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Выпуск X. М., 2008. С. 42—66.
20. Бурдые П. Цит. раб. С. 88.
21. Развернутое и очень интересное изложение важных размышлений о последствиях многополярности см. в статье В. Л. Иноземцева «Мечты о многополярном мире» // Независимая газета. 2008. 18 сентября.
22. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004. С. 193—196. Обзор литературы, отражающей основные подходы к этой проблеме за рубежом см. Krasner Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999; Reus-Smit Christian. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999; Philpott Daniel. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2001; Brown Chris. *Sovereignty, Rights and Justice*, Cambridge: Polity, 2002.
23. См. материалы «Круглого стола», опубликованные в указанном выше «Вестнике МГИМО-университета». С. 85.
24. Там же. С. 83.
25. Прежде всего, благодаря трудам лауреата Нобелевской премии И. Пригожина, положившим начало только термодинамике неравновесных процессов, но и многообразным исследованиям на основе «синергетической парадигмы». См.: Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М., 1986, а также: Синергетическая парадигма. Кн. 1—3. М., 2000—2002 гг.
26. Сатаров Г. А. Институты хаоса: проблема узнавания // Полития. 2008. № 3(50). С. 51.